

Чжао Сюэхань приоткрыл дверь и тихо вышел на крыльцо. Лунный свет, чистый и прозрачный, точно родниковая вода, заливал укрытый снегом двор. Посреди этого безмолвного серебряного сияния неподвижно стоял Янь Кэ. Услышав легкий скрип петель, он медленно повернул голову.

При виде него у Чжао Сюэханя отлегло от сердца.

— Янь Кэ... — негромко позвал он.

Но тут же в памяти всплыли события прошлой ночи. Вдруг он всё ещё злится? Чжао Сюэхань робко приподнял взгляд, пытаясь угадать его настроение.

Лицо Янь Кэ оставалось бесстрастным, точно высеченным из камня. Он лишь едва заметно кивнул в ответ, не проронив ни слова.

— Демонический владыка?.. — раздался тихий голос откуда-то из тени подле Янь Кэ.

Только теперь Чжао Сюэхань заметил, что во дворе они не одни. Присмотревшись, он узнал мужчину, которого однажды встретил в пространстве своего кольца-банчжи. Тот выглядел как скромный ученый-книжник: длинные волосы аккуратно убраны, опрятный халат подчеркивал его утонченный, благородный вид.

Вот только глаза незнакомца оставались прежними — глубокими, угольно-черными и совершенно безжизненными, точно у слепца. Слегка нахмурившись, он озадаченно всматривался в Чжао Сюэханя.

— Господин Фан? — удивленно спросил вышедший следом за Чжао Сюэханем Вэнь Тяньдун. — Какими судьбами?

— Решил немного развеяться, — с мягкой улыбкой ответил господин Фан и слегка поклонился обоим. — Янь Кэ сказал, что ему нужно кое-что обсудить со мной, вот я и пришел.

— Вот как? — Вэнь Тяньдун заметил замешательство Чжао Сюэханя и поспешил объяснить: — Это господин Фан Цюшуй. Прежде он совершенствовался в школе Чистых Облаков, но потом покинул её и стал вольным практиком. Вы с ним старые знакомые.

Чжао Сюэхань молча кивнул.

— Ну, раз у вас дела, не буду мешать, — вежливо улыбнулся Вэнь Тяньдун и вернулся к себе в комнату.

Янь Кэ перевел взгляд на Чжао Сюэханя.

— Иди к себе, отдохни, — негромко произнес он. — Нам с господином Фаном нужно поговорить с глазу на глаз.

Чжао Сюэхань помедлил, не сводя с него глаз.

— Мне тоже нужно кое-что обсудить с тобой, — сорвалось у него с губ.

Он и сам не понимал, зачем это сказал. Особого повода для разговора не было, но сейчас его непреодолимо тянуло к Янь Кэ. Хотелось просто побыть рядом, услышать его голос — неважно, о чем именно они будут говорить.

В голубых глазах Янь Кэ что-то дрогнуло.

— Хорошо, — согласился он. — Жди меня в комнате.

Чжао Сюэхань вернулся в отведенные ему покои и затворил дверь. Замерев у окна, он сквозь узкую щелку наблюдал за двумя фигурами посреди заснеженного двора. До него доносился их приглушенный разговор.

Поддавшись порыву, он осторожно приоткрыл створку пошире и подался вперед, ловя каждое слово.

—... Ничего страшного. Я и сам давал поводы для сомнений, так что ваши подозрения вполне понятны, господин Фан, — донесся до него ровный голос Янь Кэ.

— Нет, я кругом виноват, — возразил Фан Цюшуй. — Память у меня уже не та, многое стерлось, но я твердо знаю, что поступил тогда скверно. Примите мои глубочайшие извинения.

Повисло недолгое молчание.

— Всё это в прошлом, — глухо отозвался Янь Кэ. — Не стоит извиняться. В конце концов, мое пребывание в Мире страданий, пусть я и не понимаю его причин, не принесло мне вреда.

— Неужели? — усомнился Фан Цюшуй. — Я много лет изучал пределы за границами Трех Миров и неплохо знаю Мир страданий. Поверить в то, что тебя швырнули туда без твоего ведома и это обошлось без последствий... Нет, не могу.

— Я не страдал там, — отрезал Янь Кэ. — Если не считать того, что мой первородный дух плохо приживался в чужой плоти Мира страданий, из-за чего случались кое-какие неприятности. В остальном всё обошлось.

Он сделал небольшую паузу.

— Но я хотел бы спросить вас об одном деле.

— О каком же? — любопытствовал Фан Цюшуй.

— Действительно ли душа из Мира страданий никогда не сможет взрастить первородный дух?
— спросил Янь Кэ.

— Никогда, — подтвердил Фан Цюшуй. — Круговорот душ в Мире страданий устроен совершенно иначе, нежели у нас. Там все держится на строгом равновесии и заперто внутри одного мира. Обычные смертные там лишены самой возможности взрастить первородный дух и вознестись. В Мире страданий нет ни истинных заклинателей, ни демонов.

Наступила затяжная, тяжелая пауза. Наконец Янь Кэ спросил:

—... Даже если перенести эту душу в наш мир?

— Янь Кэ, — голос Фан Цюшуя зазвучал тише, в нем проскользнули мягкие, сочувственные ноты. — Я понимаю, на что ты надеешься. Но, увы, на душах из Мира страданий лежит особое, нестираемое клеймо. Где бы ни оказалась такая душа, она никогда не сможет встать на путь самосовершенствования. Здесь она будет подобна самому обычному смертному без капли таланта к магии — с теми же тремя душами и семью телесными духами, обреченная на краткий человеческий век.

Он тяжело вздохнул.

— А после смерти его ждет лишь полное угасание. Он не сможет переродиться в нашем круге сансары, ведь закон его реинкарнации принадлежит иному миру. Его душа просто рассеется без следа.

Янь Кэ молчал так долго, что тишина во дворе сделалась почти осязаемой. Сквозь оконную щель Чжао Сюэхань отчетливо видел, как побелели костяшки его пальцев, сжавшихся в кулаки.

— Господин Фан, — глухо заговорил Янь Кэ. — А если вернуть эту душу обратно? Можно ли снова направить её в круговорот Мира страданий?

— Не знаю, — покачал головой Фан Цюшуй. На его бледном лице отразилась искренняя жалость. — Может быть, это и возможно. А может, и нет.

Янь Кэ медленно опустил голову. Чжао Сюэхань видел со спины его поникшие плечи. Впервые

эта крепкая, надежная фигура казалась надломленной непосильным бременем вины и отчаяния.

— Я понял, — едва слышно прошептал Янь Кэ. — Всё понял. Спасибо вам, господин Фан.

Он вскинул голову и посмотрел в сторону гостевой комнаты.

— Вы проделали такой долгий путь. Не хотите зайти, повидаться с ним?

— Ни к чему, — бесстрастно отозвался Фан Цюшуй. — Только лишних хлопот ему доставлю.

До Чжао Сюэханя донесся тихий скрип шагов по свежему снегу — они расходились. Он бесшумно закрыл окно и вернулся к постели. В груди разлилась тупая, ноющая боль.

Янь Кэ вошел тихо, безмолвный и бесстрастный. С улицы за ним потянулся шлейф ледяного сквозняка с легкой пылью сухих снежинок. В комнате царила промозглая сырость — упавший на пол снег даже не думал таять.

— Не замерз? — негромко спросил Янь Кэ. Он взял с края постели плетеную бамбуковую грелку и бережно вложил её в руки Чжао Сюэханя. — Почему не спишь?

— Нам нужно поговорить, — прошептал Чжао Сюэхань, не поднимая глаз. Он крепче прижал к себе теплую грелку, чувствуя, как мысли путаются от тревоги.

— Я слушаю, — Янь Кэ опустился на табурет напротив, устремив на него сосредоточенный взгляд.

Чжао Сюэхань поднял голову и встретился взглядом с его прозрачно-голубыми глазами. Внутри него теснилось множество вопросов. Этот странный город, безвылазно сидящий в Поместье Линей, зловещий двор Поместья Чжо, заживо гниющий и вновь воскресающий ночной сторож... Все эти пугающие видения рождали в душе липкий страх. Но какой толк делиться им с Янь Кэ?

Тот наверняка скажет: «Не бойся. Ни о чем не думай. Пока я рядом, тебе ничего не грозит».

А если его не станет?

В памяти всплыл смутный образ бездонной пропасти у Найхэ, а следом — только что подслушанный разговор Янь Кэ с Фан Цюшuem. Чжао Сюэханя забила крупная дрожь.

— Янь Кэ... — повинувшись какому-то безотчетному порыву, тихо позвал он. — Иди сюда... обними

меня.

Губы Янь Кэ едва заметно приоткрылись от удивления — эмоция редкая для его застывшего лица. Он медленно поднялся, шагнул ближе и, раскрыв объятия, прижал Чжао Сюэханя к себе.

Тело Янь Кэ дышало могильным холодом, в нем не чувствовалось живого тепла, но Чжао Сюэхань, словно утопающий, цепляющийся за соломинку, судорожно обхватил его руками за пояс.

«А если он действительно уйдет? Что, если он решит оставить меня?»

«Я умру?»

Он зажмурился.

«Странно. Я ведь уже однажды умирал. Почему же сейчас мысль о смерти внушает такой первобытный ужас? Чего на самом деле я боюсь?»

Чжао Сюэхань уткнулся лбом в его твердое плечо. Слова застревали в горле, не желая складываться во фразы. Ему так хотелось, чтобы Янь Кэ заговорил. Он верил, что любой звук его голоса сможет унять эту бурю внутри, но теперь его сковал новый, еще более глубокий страх.

— Янь Кэ... — наконец тихо выдохнул он. — Я вчера сильно напился. Сболтнул какую-то глупость, да? Расстроил тебя?

Янь Кэ на мгновение замер, а затем мягко похлопал его по спине.

— Нет, — ответил он. — Ты ничего такого не говорил.

— Неправда, — не поверил Чжао Сюэхань. — Я точно помню, что нес какой-то вздор.

— Сущие пустяки, — тихо отозвался Янь Кэ. — Всего лишь обозвал меня чудовищем.

Чжао Сюэхань покачал головой и промолчал, лишь теснее прижавшись к нему.

«Останься со мной навсегда, не оставляй меня одного!»

Но эти слова казались невыносимо эгоистичными. Разве он имеет право требовать подобного от Янь Кэ?

С тоской подумав об этом, он несмело поднял голову и заглянул в его холодные глаза.

— Позволь мне... остаться с тобой сегодня ночью, — попросил он одними губами.

Янь Кэ удивленно приподнял брови, и в его взгляде проскользнула смутная тревога. Он коснулся бледной щеки Чжао Сюэханя ледяными пальцами.

— Что с тобой? — тихо спросил он.

— Мне... — Чжао Сюэхань закусил губу. — Мне просто страшно.

Янь Кэ бережно собрал его рассыпавшиеся по плечам длинные волосы и убрал их назад.

— Чего тебе бояться? — мягко проговорил он. — Я здесь.

— Не знаю, — Чжао Сюэхань беспомощно мотнул головой, глядя на него с затаенной мольбой.

Янь Кэ тихо вздохнул.

— От меня веет стужей.

— Мне все равно, — порывисто ответил Чжао Сюэхань и снова потянулся к нему, но Янь Кэ мягко перехватил его за запястья. Уложив его на постель, он укрыл его с головой одеялом, прямо вместе с бамбуковой грелкой.

Сам Янь Кэ лег рядом поверх одеяла, бережно обнимая его. Он уткнулся носом в изгиб шеи Чжао Сюэханя.

— Холодно? — шепнул он.

— Немного, — честно признался тот, слегка вздрогнув.

— Тогда спи, — Янь Кэ ласково погладил его поверх одеяла, убаюкивая, точно ребенка. — Выброси всё из головы.

Чжао Сюэхань послушно прикрыл глаза. Но сон не шел.

Он лежал неподвижно, чувствуя тяжесть обнимавшей его руки, и прислушивался к глухим ударам колотушки ночного сторожа, отмерявшим четвертую стражу. Чжао Сюэхань чуть сдвинулся назад, пока не ощутил лопатками твердую грудь за спиной, и только тогда его

измученное сердце немного успокоилось.

А затем до его слуха долетел тихий вздох. За ним — еще один. Горькие, сдавленные вздохи, полные безмолвного отчаяния, раз за разом касались его уха.

Они не прекращались очень, очень долго.

<http://bllate.org/book/19675/2002880>